

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.13

Дата поступления: 27.12.2023
рецензирования: 17.02.2024
принятия: 20.06.2024

Любовь А. Шестакова Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
Михаил Е. Кочнев Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве РФ

Аннотация: Уголовный процесс не меньше чем другие общественные сферы и правовые отрасли изменяется под влиянием цифровизации. Цифровые технологии стихийно проникают в уголовное судопроизводство и постепенно получают законодательное оформление, во многом отрывочное и противоречивое. Между тем со значительным опережением накапливается опыт применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве зарубежных стран. Некоторые из них уже допустили более активное их использование. Однако зарубежный опыт в этом направлении недостаточно осмыслен и освоен российским законодателем. Произвольная цифровизация уголовно-процессуальной деятельности без учета ее природы, объективно присущих ей особенностей увеличивает риск судебных и следственных ошибок, несправедливости разрешения дела и нарушения прав человека. В статье рассмотрены основные направления для внедрения цифровых технологий в досудебное и судебное производство по уголовным делам. Оценены перспективы перехода к цифровому уголовному процессу, обозначены проблемы этого процесса, сформулированы предложения по их нивелированию и преодолению.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; цифровизация; досудебное производство по уголовному делу; судебное производство по уголовному делу; следственные действия; электронные доказательства.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Шестакова, Любовь А., Михаил Е. Кочнев. 2024. “Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве РФ”. *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 19 (1): 15–25. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-1-15-25>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

© *Любовь А. Шестакова, Михаил Е. Кочнев, 2024*

Любовь Александровна Шестакова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

Михаил Евгеньевич Кочнев, учебный мастер кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: mshmlss01@gmail.com

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 27.12.2023
Revised: 17.02.2024
Accepted: 20.06.2024

Lubov A. Shestakova Samara National Research University, Samara, Russian Federation
Mikhail E. Kochnev Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Problems and prospects of the use of digital technology in criminal proceedings of the Russian Federation

Abstract: Criminal proceedings are changing under the influence of digitalization no less than other public spheres and legal sectors. Digital technologies spontaneously penetrate into criminal proceedings and gradually receive legislative registration, in many respects fragmentary and contradictory. Meanwhile, foreign countries are accumulating experience of the use of digital technology in criminal proceedings significantly ahead of the curve. Some of them have already allowed their more active use. However, foreign experience in this direction is not sufficiently comprehended and mastered by the Russian legislator. Arbitrary digitalization of criminal proceedings, without taking into account their nature and intrinsic characteristics, increases the risk of judicial and investigative errors, unfair resolution of the case and human rights violations. The article considers the main directions for the introduction of digital technology in pre-trial and trial in criminal cases. The prospects of transition to digital criminal proceedings are evaluated, the problems of this process are identified, proposals for their levelling and overcoming are formulated.

Key words: criminal proceedings; digitalization; pre-trial proceedings in a criminal case; judicial proceedings in a criminal case; investigative actions; electronic evidence.

Conflict of interest: authors declared is no conflict of interest.

Citation: Shestakova, Lubov A., Mikhail E. Kochnev. 2024. "Problems and prospects of the use of digital technology in criminal proceedings of the Russian Federation". *Juridicheskii analiticheskii zhurnal Juridical Analytical Journal* 19 (1): 15–25. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-1-15-25>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© *Lubov A. Shestakova, Mikhail E. Kochnev, 2024*

Lubov A. Shestakova, Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

Mikhail E. Kochnev, educational master of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: mshmlss01@gmail.com

Введение

В настоящее время пути развития любой научной отрасли неизбежно сталкиваются с вопросами как приспособления к новым условиям цифрового общества, так и разработки новых возможностей и технологий для полноценного функционирования научной деятельности в рамках цифровизации. В связи с этим закономерно развитие цифровых институтов и в юридической науке и практике. Актуальность темы исследования связана с цифровыми и информационными процессами, изучение и развитие которых необходимо для правоприменительной деятельности в рамках уголовного судопроизводства. Из-за особой роли уголовного процесса в системе российского права внедрение электронных и цифровых новшеств опосредовано высокой степенью рисков, в связи с чем их введение в практику требует существенного теоретического осмысления, соответствующего уровня технического оснащения и использования эмпирического опыта, полученного путем заимствования уже готовых рабочих цифровых средств, используемых в уголовном судопроизводстве зарубежных стран.

Основное исследование

Досудебная стадия уголовного судопроизводства. Некоторые исследователи выделяют большую степень проникновения цифровизации в уголовный процесс посредством реформирования одного из его важнейших этапов. Этим этапом является возбуждение уголовного дела, то есть та стадия, которая запускает весь механизм уголовно-процессуальной машины правосудия.

В одной из своих работ профессор Л.Н. Масленникова также говорит о важности доступа к правосудию, который, в настоящий момент является затрудненным в силу низкой эффективности «советской» модели стадии возбуждения уголовного дела и целостного концептуального развития и совершенствования первого этапа судопроизводства. Также речь ведется об отсутствии единой ведомственной системы (а также системы межведомственного взаимодействия), посредством которой можно было бы «фиксировать» каждое процессуальное действие, а в дальнейшем весь процесс производства по делу (Масленникова 2020, 54).

Такая концепция перевода первой стадии уголовного процесса имеет схожесть с уголовным процессом США, в котором активно используется электронный документооборот. Следовательно, работа по сбору и изучению доказательств ложится на стороны обвинения и защиты, далее – состязательный процесс. По завершении дела происходит оцифровка доказательственной информации о фактических обстоятельствах дела, и все сведения хранятся в электронной системе судов (Пастухов 2018, 86). Однако даже здесь мы можем наблюдать, что сам процесс проходит в стиле классического американского процесса, а оцифровка дел является лишь одним из средств хранения информации. Однако в зарубежных моделях уголовного процесса есть средства цифровизации, имеющие положительную практику применения, о которых мы поговорим позднее.

В нашем представлении концепция перевода стадии возбуждения уголовного дела в цифровой формат является решительным шагом на пути к цифровизации уголовного судопроизводства, однако проводиться такая реформа должна путем внедрения единого программного решения для следствия и дознания, которое бы самостоятельно проводило оценку имеющихся фактов нарушения закона и анализировало бы, какие действия необходимо предпринять правоприменителю для принятия окончательного решения по делу. Таким образом, мы видим данное решение перспективным в качестве фактора развития и трансформации первой стадии процесса, но никак не в качестве решения, упраздняющего один из наиболее важных этапов уголовного судопроизводства.

Также в рамках данного вопроса целесообразно говорить о таких доказательствах, которые сами по себе являются следствием внедрения цифровизации в уголовный процесс. Рассматривая аудио- и видеодоказательства, мы можем проследить важность их присутствия и применения как на этапе возбуждения уголовного дела, так и на этапе предварительного расследования.

Аудио- и видеозаписи представляют собой особый источник сведений, требующий дополнительного теоретического осмысления. При этом совершенно очевидно, что технические возможности, существующие в настоящее время в распоряжении не только государства, но и частных лиц, выводят этот источник сведений на беспрецедентный по информативности и потенциалу познания уровень. При сравнении наиболее распространенного вида доказа-

тельств – свидетельских показаний – с аудио- и видеозаписями становится очевидно, что в ряде случаев последние обладают существенными преимуществами.

Во-первых, свидетельские показания традиционно относятся к личным доказательствам, то есть носителем данной информации является человек, воспринимающий, запоминающий, а впоследствии воспроизводящий полученные сведения. Аудио- и видеозаписи, напротив, представляют собой вещественные (материальные) доказательства, позволяющие субъекту доказывания выступить в роли «непосредственного наблюдателя (слушателя)». Применительно к рассматриваемому вопросу имеет место не отдельный вид доказательств, а определенная классификационная группа.

Во-вторых, свидетельские показания существенно зависят от временных рамок. В силу объективных физиологических особенностей с течением времени память человека об обстоятельствах и фактах (за редкими исключениями) ухудшается. В результате в случаях несоответствия показаний, данных на досудебной и судебной стадиях, используется механизм оглашения показаний, предусмотренный частью 3 статьи 281 УПК РФ. При этом правоприменитель лояльно относится к аргументации невозможности детального восстановления обстоятельств в связи с давностью событий.

В-третьих, в отличие от свидетельских показаний, аудио- и видеозаписи не нуждаются в проверке на заинтересованность. Несмотря на то что законодатель относит свидетеля к иным участникам уголовного судопроизводства, выделяемым в особую группу в связи с «процессуальной нейтральностью», в теории высказываются соображения о необходимости введения подобного критерия в качестве характеристики участников уголовного судопроизводства (Гарусов 2016, 63).

Безусловно, аудио- и видеозаписи не лишены недостатков. Как отмечалось ранее, они могут стать объектом фальсификации (Завидов 2004). Однако в этом случае, в отличие от показаний свидетелей, возможно привлечение лиц, обладающих специальными знаниями, позволяющими выявить воздействие на источник информации. Главный недостаток аудио- и видеозаписей заключается в их фрагментарности, возможности «вырвать из контекста» отдельные действия лица или события. Поэтому актуализируется значение способностей сотрудников правоохранительных органов корректно интерпретировать полученные таким

путем сведения и давать им правовую оценку. Все вышесказанное приводит к вопросу о последствиях применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Качество и распространенность средств аудио- и видеозаписи уже в настоящее время позволяет предоставить детальные сведения о событии, подлежащем оценке на наличие в действиях запечатленных лиц признаков состава преступления. В подобных условиях возникает тенденция к фактическому сближению содержания рассматриваемых «оснований», поскольку убежденность следователя (дознателя) может напрямую зависеть от объема информации, содержащегося на аудио- и видеозаписях. Таким образом, на этапе инициирования уголовно-процессуальной деятельности проверяющий орган уже получает в распоряжение сведения, не только являющиеся «достаточными данными» для возбуждения уголовного дела, но и во многом определяющие направление и основу следственной деятельности.

На практике подобная ситуация существенно изменила процедуру доказывания отдельных видов преступлений, в частности взяточничества. Латентность подобной преступной активности в сочетании с проблемами выявления возможности провокационного поведения привели к тому, что в подавляющем большинстве уголовных дел аудио- и видеозапись используется в качестве необходимого источника сведений, на основе которого возбуждается уголовное дело и выставляется вся процедура доказывания. Подобная ситуация наблюдается и при доказывании других видов преступлений, совершаемых в общественных местах: на стадионах, в торговых центрах, на транспорте.

Проблема формулирования однозначного вывода по данному вопросу заключается в необходимости поиска баланса между ограничением прав лиц, причастных к обстоятельствам, повлекшим возбуждение уголовного дела; защитой потенциально нарушенных прав граждан, общества, государства и надлежащим исполнением обязанностей сотрудниками правоохранительных органов. Как отмечал А.Ф. Кони, возбуждение уголовного преследования «должно слагаться из двоякого рода действий: из проверки сведений, дающих основание и даже обязывающих начать уголовное преследование, и из самого начатия преследования путем предложений о производстве следствия, привлечения обвиняемого и принятия против него предупредительных от побега мер. Уголовное преследование слишком серьезная

вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности» (Середнев 2016, 18). Помимо внутренних «фильтров» принятия процессуальных решений, имеют место внешние, выражающиеся в полномочиях суда, руководителя следственного органа и прокурора проверять законность и обоснованность действий сотрудника. В результате неизбежна дополнительная осторожность следователя и дознавателя в процессе собирания, проверки и оценки материалов проверки сообщения о преступлении. Но высокая степень критерия оценочности при принятии обоснованного решения о возбуждении уголовного дела должна свидетельствовать о свободе усмотрения должностного лица. Стоит отметить, что достаточность в уголовном судопроизводстве представляет собой совокупность количественного и качественного показателей, сочетание которых должно обеспечивать достижение целей познающего субъекта. Таким образом, в уголовно-процессуальной теории отсутствуют препятствия для вывода о недопустимости возбуждения дела исключительно на основании аудио- и видеозаписи, однако совершенно очевидно, что для массового внедрения подобного механизма с учетом высоких стандартов международного законодательства необходима регламентация требований к содержанию таких аудио- и видеозаписей. Реализация курса на цифровизацию процессуальной деятельности требует систематизации судебной практики и выработки руководящих начал использования технических средств в уголовном судопроизводстве.

С учетом необходимости переосмысления соотношения понятий основания для возбуждения уголовного дела и оснований для предъявления обвинения в уголовном судопроизводстве существуют ли предпосылки для упрощения процедуры доказывания при наличии аудио- и видеозаписи преступления и при полном признании лица в совершении инкриминируемого деяния?

В условиях современного уголовно-процессуального законодательства ответ должен быть отрицательным. Назначение уголовного судопроизводства состоит в защите интересов как лиц, пострадавших от незаконной деятельности, так и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Субъекты, осуществляющие предварительное расследование, помещены в главу УПК РФ, посвященную регламентации полномочий стороны обвинения, то есть законодатель определил их в качестве процессуальных оппонентов подозреваемого, обвиняемого.

Однако, как отметила В.А. Лазарева, наделение исключительными полномочиями на сбор доказательств на досудебной стадии, а также необходимость обеспечения защиты прав участников уголовного судопроизводства делают схожим процессуальный статус суда и лица, осуществляющего предварительное расследование. Несмотря на то что современный УПК РФ не унаследовал изложенный в советском уголовном судопроизводстве принцип объективной истины, следователь и дознаватель в процессе доказывания обязаны устанавливать обстоятельства как подтверждающие, так и опровергающие виновность подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (Лазарева 2018, 7). Таким образом, формирование убежденности управомоченного лица в доказанности преступления возможно только в условиях преодоления презумпции невиновности совокупностью доказательств. В данном случае необходимо ограничивать «основное» доказательство, содержание и информативность которого существенно влияют на возможность установления обстоятельств уголовного дела от единственного доказательства, положенного в основу обвинения.

Если в первом случае возникает предпосылка дальнейшей деятельности следствия в рамках уголовного судопроизводства, то во втором фактически имеет место игнорирование одного из базовых элементов процедуры доказывания – проверки доказательств. Статья 87 УПК РФ определяет комплекс действий, необходимых для корректной проверки доказательств: сопоставление с другими доказательствами, имеющимися в деле; установление источников доказательств; получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Развитие цифровых технологий в ближайшей перспективе потребует существенного реформирования уголовно-процессуального законодательства. Частично мы уже затронули этап предварительного расследования в рамках вопроса об аудио- и видео-доказательствах, но теперь мы перейдем к его более детальному рассмотрению в рамках цифровизации.

Технические средства можно применять для протоколирования следственных действий, например при аудиовизуальном документировании следственного действия (аудиовизуальный протокол) и фиксации объектов доказательственной базы. Хотя в УПК РФ и встречается понятие «технические средства», однако он не содержит перечня технических средств, кото-

рые могут использоваться в судопроизводстве (представляется, что к ним можно отнести, в частности, приборы, специальные приспособления, материалы, правомерно применяемые для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств). Кроме того, процессуальный закон регламентирует применение звуко- и видеозаписи при допросах (часть 4 статьи 190 УПК РФ), но не закрепляет перечня случаев обязательного применения технических средств при производстве следственных действий (за исключением «обязательного фотографирования громоздких вещественных доказательств, которые не могут быть приобщены к делу в их естественном виде» (часть 1 статьи 82 УПК РФ), фотографирования и дактилоскопирования неопознанных трупов (часть 2 статьи 178 УПК РФ)). В УПК РФ «определены субъекты применения технических средств и использования специальных познаний (статьи 37, 38, 39, 41 УПК РФ, часть 1 статьи 57, часть 1 статьи 58 УПК РФ); цели их применения (часть 1 статьи 58 УПК РФ); возможность и порядок применения технических средств при производстве следственных действий (часть 6 статьи 164 УПК РФ), характер сведений о технических средствах, отражаемых в протоколах отдельных следственных действий (пункт 2 часть 4 статьи 190 УПК РФ), а также порядок оформления результатов применения технических средств при производстве отдельных следственных действий (часть 5 статьи 166 УПК РФ) и др.». Тем не менее уголовно-процессуальное законодательство обходит стороной вопрос о том, относятся ли к категории технических средств специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации. В условиях расплывчатости законодательного регулирования использования специальных технических средств, предназначенных для получения информации в цифровом виде, в уголовном судопроизводстве действенными мерами предупреждения злоупотреблений остаются меры уголовно-правового характера.

Однако и уголовно-процессуальное законодательство в ближайшей перспективе потребует существенного изменения с учетом возможности применения технических средств (в том числе предназначенных для негласного получения информации) как основного способа протоколирования следственных действий и фиксации доказательств при расследовании и раскрытии преступлений. В частности, необходимо приравнять по процессуальной значимости материалы уголовного дела, зафиксиро-

рованные в письменной форме, и материалы, зафиксированные при помощи технических средств аудиальной и визуальной фиксации информации, в том числе если такие материалы получены с применением технических средств.

Согласно части 6 статьи 164 УПК РФ: «...при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств», то есть современные цифровые средства также дозволено использовать в рамках проведения следственных действий в целях, во-первых, получения наиболее быстрым и точным способом материалов для уголовного дела, а во-вторых, в целях способствования раскрытию новых видов преступлений либо преступлений, совершенных способами, связанными с цифровой средой.

В настоящее время мы можем наблюдать, что новые технические возможности могут быть интегрированы в существующую систему доказательств в уголовном процессе, но, что довольно интересно, не приводят к появлению новых. Если мы обратимся к статье 164.1. УПК РФ, то увидим, что закон дополнительно регламентировал проведение осмотра электронных носителей информации, итогом чего явился иной вид осмотра, уникальный по отношению к другим видам осмотра, однако нового источника доказательств как такового от этого не возникло.

Вместе с тем очевидно влияние этого обстоятельства на появление различного рода экспертиз, вызванного потребностью в исследовании и изучении цифровых устройств и информации, которая на них хранится. Так в уголовном процессе активно используется компьютерно-техническая экспертиза, в рамках которой происходит исследование программных обеспечений, технических средств и телекоммуникационных сетей, что способствует получению соответствующих доказательств и передаче их экспертной оценке.

В связи с изменениями в законодательстве¹ в оперативно-розыскной деятельности появилось такое мероприятие, которое называется

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 № 374-ФЗ. Дата обращения: 27.09.2023. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078.

«получение компьютерной информации»², но касательно уголовного процесса подобные новшества не вызывают необходимости, потому что существующие следственные действия, такие как выемка и обыск, полностью охватывают возможность получения доказательств для целей судопроизводства. Также существует концепция принципиально нового следственного действия, которое называется «электронный обыск», суть которого заключается в том, чтобы эксперт или следователь с разрешения суда могли получить удаленный доступ к любому электронному устройству подозреваемого или обвиняемого для обнаружения, копирования имеющейся там информации либо для использования устройства с целью управления его функционалом (GPS-связь, микрофон и т. д.) для обнаружения и фиксации преступных действий лица (Ищенко 2022, 38). Главный минус данной концепции заключается в характере осуществляемого действия, который является тайным (негласным), что не позволяет определить статус данной процедуры в качестве следственного действия и дает возможность ее отнесения только к списку потенциальных оперативно-розыскных мероприятий.

Также актуальным является вопрос, который исследователи связывают с тем, что мы часто называем оцифровкой данных, или просто оцифровкой. Здесь подразумевается перевод процессуального акта с бумаги на электронный носитель. Казалось бы, что это явление само собой разумеющееся, но появляется два вопроса: во-первых, изменится ли природа самого акта от того, что он существует не на бумаге, а на компьютере, и, во-вторых, сможет ли электронный носитель стать полноценным хранилищем для всех уголовных дел, заменив при этом физическое хранилище?

В предыдущем параграфе была рассмотрена глава 56 УПК РФ, которая объясняет алгоритм определенных процессуальных действий, которые могут быть совершены некоторыми участниками уголовного судопроизводства, однако круг вопросов, затрагиваемых в данной главе, не раскрывает потенциала использования электронного документооборота на всех стадиях процесса.

Понятие «электронный документ» закреплено в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите

² Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Дата обращения: 27.08.2023. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519.

информации»³ в пункте 11.1 статьи 2, которое сформулировано как: «...электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах». Таким образом, понятие электронного документа, установленное данным законом, фактически включает в себя и те электронные документы, которые предусмотрены главой 56 УПК РФ, однако это понятие охватывает более широкую сферу общественных отношений, которая фактически позволяет применять электронный документооборот в решении не только отдельных процессуальных моментов на судебной стадии процесса, предусмотренных статьей 474.1. УПК РФ.

В части 2 статьи 166 УПК РФ довольно четко говорится о том, что «протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств...». Там же написано и о дополнительных средствах фиксации информации: «При производстве следственного действия могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. Стенограмма и стенографическая запись, фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи хранятся при уголовном деле». По поводу следственных действий – двойная форма фиксации информации говорит о наиболее объективном подходе к ее первоисточнику и снижает возможную предвзятость к участникам уголовного дела.

Даже полный перевод всего уголовного дела в «цифру» ничего в уголовно-процессуальном плане не меняет, так же как ничего не меняет, например, в литературном плане возможность читать классическую литературу не только в книжном варианте, но и на электронном носителе. Речь идет, на самом деле, исключительно о техническом вопросе хранения уголовных дел. Но здесь возникает другой вопрос: если существует возможность перевода или непосредственного изготовления значительной части уголовно-процессуальных документов в электронной форме, то может ли электронная форма хранения уголовных дел вскоре заменить физическую форму их хранения? Пусть

данный вопрос и имеет, как мы выяснили, не сущностный (революционный), а сугубо технический характер (Сергеев 2018).

Еще одна сложность заключается в том, что одним из главных атрибутов уголовного дела является вещественное доказательство, которое мы не можем перевести в электронную сферу без потери уникальных качеств.

Статья 74 УПК РФ говорит о том, что доказательствами могут являться любые сведения, на основе которых устанавливается наличие либо отсутствие обстоятельств, которые подлежат доказыванию. Однако часть 2 той же статьи очерчивает круг сведений, которые будут являться допустимыми доказательствами. Если исходить из смысла части 4 статьи 81 УПК РФ и пункта 5 части 2 статьи 82 УПК, доказательства, содержащиеся на электронном носителе информации, будут относиться к вещественным доказательствам, однако вопрос о допустимости данного доказательства будет актуальным, поскольку само хранилище доказательством не является.

Необходимость реальных («физических») уголовных дел связана с необходимостью хранения вещественных доказательств, значение которых в данном виде судопроизводства переоценить сложно. Мы, конечно, можем перевести вещественные доказательства в 3D-версию, виртуализировать их и т. п. Технически это сегодня никаких сложностей не вызывает. Ориентироваться все равно придется на реальную часть уголовного дела (вещдоки и т. п.), что несколько снижает все достоинства цифровизации. Маловероятно, что эксперт сможет работать с отпечатками пальцев со стакана через компьютер, без непосредственного взаимодействия с самим объектом. Однако, как мы говорили ранее, опыт проведения компьютерно-технических экспертиз возможно использовать и в проведении исследований электронных доказательств, которые, по своей сути, являются вещественными доказательствами, которые хранятся в виртуальном пространстве.

В рамках этапа предварительного расследования по уголовному делу также уместно говорить о производстве процессуальных действий с использованием системы видео-конференц-связи (далее – ВКС). Подробнее ВКС и опыт ее использования мы изучим в следующем параграфе, поскольку ее появление и сущностный потенциал неразрывно связаны с судебной стадией судопроизводства, а сейчас мы можем обозначить, что УПК РФ также позволяет использование ВКС на этапе предварительного

³ Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Дата обращения: 24.09.2023. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798.

расследования. На это указывает статья 189.1 УПК РФ, которая регламентирует проведение таких следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание с использованием ВКС. По сути, данные следственные действия проводятся в классическом формате, однако с учетом некоторых особенностей. Среди таких, например, участие не одного следователя (дознателя), а двух. Объясняется это тем, что один следователь отвечает за содержательную часть допроса (то есть является его инициатором и лицом, ведущим дело), а второй следователь – за организационную часть допроса, то есть по письменному поручению следователя, которому поручено производство по делу, он обеспечивает явку лица на допрос в специально оборудованное помещение для общения первого следователя с таким лицом посредством ВКС.

Использование ВКС на этапе предварительного расследования имеет положительный характер использования в следственной практике как минимум по двум причинам: 1) снижению процессуальных издержек и обеспечение разумного срока производства по делу (например, у следователя отпадает необходимость выезжать за пределы административно-территориального образования для проведения следственного действия, что крайне актуально для регионов, где расстояние между населенными пунктами может достигать более 1 тыс. км); 2) следственное действие является более прозрачным, поскольку привлечение следователя, объективно не заинтересованного в результате конкретного дела, имеющего право давать замечания о дополнении и уточнении протокола (часть 5 статья 189.1 УПК РФ), является, во-первых, фактором, снижающим риски оказания излишнего давления на допрашиваемого со стороны следователя, а во-вторых, дополнительным источником психологического влияния на допрашиваемого (то есть работающим в обе стороны).

Судебная стадия уголовного судопроизводства. Центральным этапом в уголовном процессе является судебное разбирательство. В условиях цифровизации существенное влияние информационных технологий и научно-технического прогресса оказывается не только на решение задач функционального характера, но и на элементы организации судебной стадии процесса.

Наиболее востребованным цифровым явлением на судебных стадиях уголовного процесса в настоящий момент является система видео-конференц-связи в судебном заседании.

Формирование системы ВКС началось с 2000 года, когда в Верховном Суде Российской Федерации состоялось первое заседание с удаленным участием осужденных из СИЗО-77/3 г. Москвы⁴. В настоящий момент ВКС используется как действенное средство проведения судебных заседаний и коммуникации между судом и участниками процесса.

УПК РФ не содержит в себе определения видео-конференц-связи, в связи с чем замечается трудность в разграничении регулирования ВКС и, например, трансляции хода судебного заседания в сети Интернет, в связи с чем было бы опционально дополнить статью 5 УПК подобным термином (Гринь 2020, 84).

Не учитывая факта того, что УПК РФ не содержит термин «ВКС», деятельность, осуществляемая с применением такой технологии, урегулирована рядом норм, таких как: часть 6 статьи 35 УПК РФ; статья 293 УПК РФ; часть 2 статьи 389.12 УПК РФ; часть 8 статьи 389.13 УПК РФ; часть 2 статьи 399 УПК РФ; часть 2.1 статьи 399 УПК РФ; часть 2 статьи 389.12 УПК РФ.

Можем отметить, что УПК РФ хотя и регулирует отдельные процессуальные действия с использованием ВКС (например, изложение позиции осужденного с помощью систем видео-конференц-связи как средство обеспечения его участия в судебном заседании при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора (часть 2 статьи 399 УПК РФ) или исследование доказательств судом апелляционной инстанции с использованием видео-конференц-связи (часть 8 статьи 389.13 УПК РФ)), но в целом картина свидетельствует о том, что правила УПК РФ, касающиеся такого технического процесса, довольно бессистемны в регламентации.

Таким образом, мы видим, что законодатель прослеживает тенденцию возрастающего интереса к использованию цифровых систем в уголовном процессе.

Что касается преимуществ использования ВКС в уголовном процессе, то можно выделить такие аспекты, как:

1) сниженные риски побега заключенных, которым назначено участие в судебном заседании, либо же снижение потенциальной возможности совершения ими других преступлений во время конвоирования до места, где будет проходить суд;

⁴ 20-летнее применение видео-конференц-связи в Верховном Суде Российской Федерации. *ВС РФ*: официальный сайт. Дата обращения: 04.08.2023. https://www.vsr.ru/press_center/news/28850.

2) снижение материальных затрат, связанное с перемещением и этапированием осужденных;

3) обеспечение дополнительной безопасности для лиц, осуществляющих работу с осужденными;

4) снижение длительности судопроизводства, связанное с потенциальным сокращением сроков проведения отдельных действий (Поликарпов 2014, 91–92).

Что касается рисков (или недостатков) использования системы ВКС в уголовном процессе, то они являются «классическими» для института цифровых технологий в судопроизводстве, и о них мы говорили ранее (надежность хранения информации, степень защищенности системы от хакерских атак и т. д.).

В целом настоящее техническое решение уже доказало эффективность своего применения в судебном процессе, и, что наиболее вероятно, ему будет придаваться дополнительная правовая регламентация в уголовно-процессуальном законе, поскольку потенциал его использования очень велик.

Также в рамках статьи целесообразно опираться на опыт цифровизации уголовного процесса в зарубежных странах, поскольку Российская Федерация хотя и имеет высокий потенциал внедрения информационных новшеств в судопроизводство, но в то же время значительно отстает от других государств.

Если обратиться к практике стран англосаксонского права, то там в значительной степени заметна куда более прогрессивная форма цифровой модели судопроизводства, поскольку многие сходные процедуры в судопроизводствах стран континентального права имеют совершенно иной вид, причем не столько из-за различий в видах процесса, сколько из-за подходов к тому, каким образом совершается процессуальное действие (имеется в виду с активным использованием цифровых технологий и, напротив, с опосредованным, то есть задействованным исключительно в качестве вспомогательного технического средства).

Первая технология, о которой будет вестись речь, – использование двухмерного и трехмерного моделирования для рассмотрения уголовных дел в суде. Данный вопрос уже был косвенно затронут в первом параграфе статьи, но теперь речь пойдет о применении данного технического решения непосредственно в уголовном процессе, поскольку для российского уголовно-процессуального права перенятие подобного опыта является достаточно перспек-

тивным. В США данная технология активно используется с 1994 года по настоящее время, то есть создает некий базис для транспозиции практически тридцатилетнего опыта использования технологии в судопроизводстве других государств (Коньгин 2017, 100).

Суть двухмерного и трехмерного моделирования заключается в том, что в виртуальном пространстве создается некий образ (модель), который либо детально повторяет какой-либо объект материального мира (образец), либо создает (воссоздает) принципиально новый объект для каких-либо целей. С технической точки зрения в настоящее время такое решение абсолютно уникально и универсально, поскольку существует вполне определенный набор программ, предназначенных для разработки и изменения виртуальных моделей, а также управления ими.

В ходе судебного разбирательства данная процедура могла бы использоваться для решения ряда проблем с изучением доказательств, таких как, например:

1) изучение в судебном заседании объекта материального мира, по ряду причин недоступного для изучения в зале судебного заседания (удаленное местоположение объекта, например);

2) изучение воссозданного объекта в виртуальном пространстве, но уничтоженного в материальном мире;

3) наглядная иллюстрация произошедшего события, воссозданная с помощью технологии моделирования (эффективна, например, в суде присяжных).

Таким образом, на стадии судебного разбирательства использование данной технологии могло бы стать эффективным средством исследования доказательств по уголовному делу, в ходе чего как снизились бы материальные затраты на процедуру исследования, так и сократилось время, которое будет затрачено на иные формы исследования доказательств в суде. В рамках так называемой «процессуальной экономии» вопрос времени, затраченного на разбор одного уголовного дела в суде, был бы решен за счет использования как такого технического решения индивидуально, так и в совокупности с другими цифровыми технологиями, что, стоит заметить, было бы произведено даже не с потерей «качества» правосудия, а, наоборот, с его значительным показателем.

Второй вид технологий, активно используемых в странах англосаксонского права,

связан как с известными нам информационными системами, которые также называют «правовые помощники» (речь идет об информационно-правовых системах, таких как «Гарант» и «КонсультантПлюс» в России), так и с технологиями, которые на основании различных комплексов критериев решают определенные юридические задачи.

Так, с 1998 года в ряде штатов США активно используется ПО COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions). Данная программа анализирует сведения по 137 критериям, включая такие параметры, как пол, возраст, уголовное прошлое, и по итогу анализа дает результат, на основании которого у судьи появляется информация о том, какую меру пресечения выбрать наиболее опционально с учетом прогнозирования возможного рецидива или досрочного освобождения (Шестакова 2022, 44).

В 2018 году было проведено исследование, в ходе которого была изучена точность результата, прогнозируемого КОМПАСом, в соотношении с результатами оценки сведений по уголовным делам, которые были даны респондентами-людьми. Было выявлено, что ответ, который был дан машиной, не является более точным или справедливым, чем ответ, который был дан опрошенными, не имеющими опыта в сфере уголовной юрисдикции, в связи с чем исследователи пришли к выводу, что подобное программное обеспечение работает по принципу классического классификатора информации

и на основании того, в какую ячейку попало больше отрицательной или положительной информации, наиболее велик процент «выпадения» той или иной информации⁵. Однако стоит учесть, что результат, который был дан машиной, в большинстве случаев совпадает с результатом, который показали живые люди, в связи с чем можно говорить о том, что подобное ПО хотя и нуждается в доработке и переосмыслении, но прогноз его дальнейшей интеграции с судебной системой является решением крайне перспективным как в США, так и в других странах.

Выводы

Подводя итоги анализа цифровизации судебной стадии, мы можем говорить о том, что перспективы внедрения различных технологий в российское уголовное судопроизводство довольно велики, поскольку технология видео-конференц-связи активно применяется в современных судебных заседаниях, а также подвергается переосмыслению и коррективам со стороны законодателя, что свидетельствует о высокой степени заинтересованности в этой сфере. Что касается зарубежного опыта, – то наше государство имеет широкий спектр возможностей и «сырья» для цифровых нововведений в российский уголовный процесс.

⁵ The Accuracy, Fairness, and Limits of Predicting Recidivism. *Science Advances*: 4 (1). Дата обращения: 08.07.2023. <https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.aao5580>.

Библиография

- Гарусов, Андрей В. 2016. “О некоторых проблемах оценки показаний лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела”. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России* 2 (70): 60–64. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26684023>. EDN: <https://elibrary.ru/wlycvt>.
- Гринь, Давид С. 2020. “Теоретическое и нормативное определение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве”. *Юридическая наука* 3: 82–86. <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-i-normativnoe-opredelenie-videokonferentssvyazi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve?ysclid=ly77ode0l632490846>.
- Завидов, Борис Д., Николай П. Кузнецов. 2004. “Проблемы доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве”. *Справочно-правовая система “КонсультантПлюс”*.
- Ищенко, Петр П. 2022. “Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства”. *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения* 1: 30–42. <http://doi.org/10.17150/2411-6122.2022.1.30-42>.
- Коньгин, Руслан А., Любовь А. Шестакова. 2017. “Использование компьютерного трехмерного моделирования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации”. *Юридический вестник Самарского университета* 3: 99–106. <https://journals.ssau.ru/jjsu/article/view/5964>.
- Лазарева, Валентина А. 2018. “Российский следователь: судья или инквизитор?”. *Уголовное судопроизводство* 4: 6–11. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35740665>. EDN: <https://elibrary.ru/vbmlqs>.
- Масленникова, Лариса Н. 2020. “Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий”. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)* 10: 52–65. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.74.10.052-065>.

Пастухов, Павел С. 2018. “Электронный документооборот в уголовном процессе США”. *Правопорядок: история, теория, практика* 4 (19): 81–87. <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokumentoborot-v-ugolovnom-protssesse-ssha/viewer>.

Поликарпов, Борис А. 2014. “Видеоконференцсвязь как современный способ преодоления противодействия уголовному преследованию”. *Уголовная юстиция* 1 (3): 91–93.

Сергеев, Максим С. 2018. *Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008707031.

Середнев, Владимир А. 2016. “Стадия возбуждения уголовного дела: рудимент или необходимость?”. *Российское право: образование, практика, наука* 4: 17–22. <https://cyberleninka.ru/article/n/stadiya-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela-rudiment-ili-neobhodimost/viewer>.

Шестакова, Любовь А. 2022. “Опыт использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве отдельных стран англо-саксонского права”. *Основы экономики, управления и права* 3 (34): 42–46. http://doi.org/10.51608/23058641_2022_3_42.

References

Garusov, Andrey V. 2016. “On some problems of assessing the testimony of persons interested in the outcome of the criminal case”. *Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia* 2 (70): 60–64. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26684023>. EDN: <https://elibrary.ru/wlycvt>. (In Russian)

Grin, David S. 2020. “Theoretical and normative definition of videoconferencing in criminal proceedings”. *Legal Science* 3: 82–86. <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-i-normativnoe-opredelenie-videokonferentsyazi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve?ysclid=ly77ode0l632490846>. (In Russian)

Ishchenko, Petr P. 2022. “Investigative Activities in the Conditions of Criminal Proceedings’ Digitalization”. *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings* 1: 30–42. DOI: <http://doi.org/10.17150/2411-6122.2022.1.30-42>. (In Russian)

Konygin, Ruslan A., Lyubov A. Shestakova. 2017. “Use of computer three-dimensional modeling in the criminal proceedings of the Russian Federation”. *Juridical Journal of Samara University* 3: 99–106. <https://journals.ssau.ru/jjsu/article/view/5964>. (In Russian)

Lazareva, Valentina A. 2018. “A Russian investigator: a judge or an inquisitor?” *Criminal Judicial Proceeding* 4: 6–11. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35740665>. EDN: <https://elibrary.ru/vbmlqs>. (In Russian)

Maslennikova, Larisa N. 2020. “A conceptual approach to the construction of criminal proceedings that provide access to justice in the context of digital technologies development”. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)* 10: 52–65. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.74.10.052-065>. (In Russian)

Pastukhov, Pavel S. 2018. “Electronic case files in criminal process of USA”. *LEGAL ORDER: History, Theory, Practice* 4 (19): 81–87. <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokumentoborot-v-ugolovnom-protssesse-ssha/viewer>. (In Russian)

Polikarpov, Boris A. 2014. “Video conferencing as a modern way to overcome counteraction to criminal prosecutions”. *Criminal Justice* 1 (3): 91–93.

Sergeev, Maxim S. 2018. *Legal regulation of the use of electronic information and electronic media in criminal proceedings: domestic and foreign experience*: author’s abstract of Candidate’s of Legal Sciences thesis. Yekaterinburg. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008707031. (In Russian)

Serednev, Vladimir A. 2016. “The stage of initiating a criminal case: vestige or necessity?” *Russian Law: Education, Practice, Researches* 4: 17–22. <https://cyberleninka.ru/article/n/stadiya-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela-rudiment-ili-neobhodimost/viewer>. (In Russian)

Shestakova, Lyubov A. 2022. “Use of information technologies in criminal proceedings of certain countries of Anglo-Saxon law”. *Economy, Governance and Law Basis* 3 (34): 42–46. http://doi.org/10.51608/23058641_2022_3_42. (In Russian)

Zavidov, Boris D., Nikolay P. Kuznetsov. 2004. “Problems of evidence and proving in criminal proceedings”. *Legal reference system “ConsultantPlus”*. (In Russian)